

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИИ «ЖИЗНЬ АРТЕМИЯ АРАРАТСКОГО»*

Е.В. Суровцева

Москва, Россия

Summary: In the article an attempt is made to reveal the linguistic features of the autobiography «The Life of Artemij of Ararat» (first edition – 1813) written in Russian by an ethnic Armenian. The text is considered, on the one hand, from the point of view of language interpolation and interference, and on the other hand, in the context of Russian language norms of the beginning of XIX century.

Артемий (Арутюн) Богданов (Аствацатурович) Араратский (20.04.1774, селение Вагаршапат – ?) – личность, примечательная во многих отношениях, до сих пор остается загадочной. Многие из его биографии до сих пор неизвестно. В условиях бурных событий на Кавказе конца XVIII века он с необыкновенным упорством, преодолевая множество трудностей, добирался до России и останавливается в Петербурге. Основными источниками сведений о его жизни до петербургского периода является его жизнеописание. Сведения же о нем после его прибытия в Петербург (17 августа 1797 года) крайне скудны. В период с 1800 по 1817 год Артемий, по всей вероятности, занимался торговыми операциями, работал как общественный деятель, при его посредстве осуществлялось сношение католикоса как политической главы армянского народа с русскими правительственными кругами. Чуть позже он побывал за границей – в европейских (в Париже, Неаполе) и в арабских странах. В биографии Артемия еще много белых пятен – относительно как петербургского периода, так и времени его пребывания в Европе. Пока нет достоверных сведений, куда исчез Артемий после 1827 года, где и когда он скончался¹.

В 1813 году в Петербурге вышло первое русское издание книги Артемия, в 1821 году в Галле – немецкий перевод, в 1822 в Лондоне – английский. В 1885 году в журнале «Иверия» были напечатаны три отрывка из второй части, переведенные на грузинский язык, в 1892 появился армянский перевод (первая часть переведена полностью, вторая – с сокращениями). Эта книга была одной из первых книг, которые знакомили русских читателей с современной жизнью Кавказа. Она появилась в те годы, когда в России все более нарастал интерес к Кавказу.

* Данная статья написана на основе переработанного текста доклада, прочитанного на III Международном Конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта). Были опубликованы также тезисы доклада [Суровцева 2007].

¹ Подробнее о жизни Артемия (с привлечением архивных данных) см. в: [Григорьян 1974; Григорьян 1981].

Систематический сбор материала о Кавказе начался еще в 20-е годы XVIII века, главным образом в военной среде, и к началу XIX века русское правительство располагало уже довольно обширным материалом о Кавказе, уже частично вошедшем в состав России. Поэтому мемуары Артемия не могли не привлечь внимания. Араратский своей книгой преследовал политические цели: он хотел привлечь внимание русского правительства и русского общества в целом к бедственному положению Армении, терзаемой персидскими завоевателями. Человек последовательно русской ориентации, он был убежден, что спасение Армении и залог ее дальнейшего существования – в союзе с Россией.

Мемуары Артемия представляют большой интерес как этнографический источник (этнографические сведения в книге Артемия относятся к армянской и в некоторой степени к грузинской жизни) [Григорьян 1974; Орбели 1981]. Не менее интересный аспект изучения – литературный, литературоведческий [Григорьян 1974, 1981; Орбели 1981; Суровцева 2005], в том числе с точки зрения литературоведческой компаративистики [Суровцева 2005]. Третий аспект, который и стал предметом данной статьи, – лингвистический.

В самом начале книги Артемий говорит, что его книга была написана по-армянски, а потом переведена самим автором на «российский язык» [ЖАА 1981: 5], однако есть основания полагать, что это своего рода мистификация. Артемий писал свои мемуары по-русски, в Петербурге, возможно пользуясь своими прежними путевыми записями, сделанными на армянском (Артемий сам упоминает о том, что во время похода писал). Нет сомнения в том, что Араратскому помогали представители армянской интеллигенции, проживающие в Петербурге и владеющие русским языком лучше него². Аргументом в пользу этого предположения может быть не только и даже не столько то, что до сих пор армянский оригинал не найден. Есть и более веский довод. Доподлинно известно, что немецкое и английское издания были осуществлены не без стараний автора. Трудно представить себе, что при наличии армянского текста у такого энергичного и предприимчивого человека, каким несомненно был Араратский, армянское издание оказалось невозможным [Григорьян 1974: 143-144; 1981: 179].

Показательно, что Артемий выучил русский без посторонней помощи. Он не довольствуется практическим знанием разговорного языка – его интересуют книги на русском языке. Осенью 1796 года он знакомится с русской азбукой, случайные люди помогают ему, о чем он сам вспоминает [ЖАА 1981: 160-161]. Разговорным языком Араратский стал овладевать еще раньше – так, повествуя о своих приключениях во время Персидского похода, он в одном месте замечает: «Я понимал тогда по-русски многое, что говорят, и частично мог отвечать» [ЖАА 1981: 134]; и далее: «Я хотя понимал все, о чем меня спрашивали, но не на все еще умел отвечать...»

² Один из возможных его помощников – Иосиф Иоаннесов (1777-1863), владелец типографии и автор первого русского перевода «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V век), изданного в Петербурге в 1809 году [Григорьян 1981: 179].

[ЖАА 1981: 155]. Молодой армянин, впервые увидевший русские книги в 22 года, спустя сравнительно немного времени взялся за создание книги о своей жизни.

В жизнеописании Артемия встречаются «по чужеземству» автора, как он сам говорит, «нескладные и неправильные речения» [ЖАА 1981: 5], а также отдельные экзотические выражения, выдающие его национальную принадлежность. Так, он говорит, что «Сагак (архиепископ иерусалимский – Е.С.) полюбил меня сердечно, и я, так сказать, разделял с ним остатки дряхлой его жизни» [ЖАА 1981: 68]. «Они сочли меня за персидского шпиона и без дальнейших расспросов потащили весьма не бережно к пушке» [ЖАА 1981: 93]. В деревне Лило «не нашли ни одной живой души, кроме мертвых тел, ибо персияне доходили и до сего места» [ЖАА 1981: 101]. Описывая свои попытки объясниться с нетрезвым сторожем, Артемий пишет: «...мы (Артемий и священник – Е.С.) не нашли в нем, как говорится, ни гласу, ни послушания (! – Е.С.), сколько священник ни раскликал и ни расталкивал его» [ЖАА 1981: 118]; «...тот майор, у которого я живу, оказался в важном преступлении...» [ЖАА 1981: 135]. В одном месте Артемий упоминает «жаркую рыбу» [ЖАА 1981: 139], хотя чуть дальше он называет ее абсолютно правильно – «жареная рыба» [ЖАА 1981: 141]. И последний, пожалуй, наиболее яркий пример: «...они (армянские католики – Е.С.) <...> предлагали ему (Сагану, иерусалимскому архиепископу – Е.С.) принять католическую веру <...> и говорили, что они отправят его в Рим в хлопчатой бумаге» [ЖАА 1981: 73] – выражение «отправить кого-то в Рим в хлопчатой бумаге» является калькой с армянского идиоматического выражения, обозначающего «отправить кого-то со всеми почестями».

Однако язык книги в целом выдержан в нормах языка русской прозы конца XVIII – начала XIX века. В языке Артемия наблюдается смешение литературных стилей с преобладанием «среднего» и «низкого» стилей, так как сюжет повествования, согласно эстетическим представлениям того времени, «низкий» – повседневная действительность. Изредка Артемий прибегает к «высокому» стилю – в отрывках нравоучительных, назидательных. Смешение трех стилей («низкого», «среднего» и «высокого» по системе литературных стилей Ломоносова) – характерный признак русской прозы конца XVIII века (до реформы Карамзина) [Винокур 1947: 118–119]. Так, рассуждения и поучения матери Артемия выдержаны в «высоком» стиле: «Мы взяты от земли и обратимся в землю. Век наш пройдет подобно тени и как мимо текущая вода, а с нею и все печали наши. Настоящая жизнь наша есть странствование и путь, на котором сеющие слезами пожнут радостью в будущей вечной жизни. – Не желай ничего, кроме терпения, и не ищи от веры других утешений, кроме любви и упования на Бога, будь верен до смерти и ожидай награды только в будущем веке. – Не огорчайся давнишним приключением. Бог накажет обидевших и награждает тебя за твою невинность. Помни сии мои наставления и мои происшествия и страдания поставляй себе примером; утверди их в твоей памяти и сердце. Сохраняй христианскую веру, которой обучают тебя; я даю тебе сие завещание, и если ты сохранишь его, то будешь благословен от Бога»

[ЖАА 1981: 26]. В «высоком» же стиле выдержаны «спасительные наставления» протоиерея Иоанна Воскречянца, адресованные Артемию [ЖАА 1981: 84-86].

И еще один пример. Описывая принудительные работы армян на строительстве персидской крепости, Араратский пишет: «Песияне <...> оказывали надо мною свою жестокость в особенности, но не щадили и других моих товарищей. Посредством такого угнетения хотели они вывести нас из терпения и чтоб мы взбунтовались, дабы под сим предлогом могли они возвратиться в свои места. <...> Но мы догадались об их намерении и единодушно решились сносить все терпеливо до окончания дела. Мне было всех тяжелее потому, что оставался в работе бессменным. <...> Все, что облегчало мое бедствие, состояло в том, что мастер, или каменщик, будучи человек весьма добрый и чувствительный, принимал во мне участие» [ЖАА 1981: 41-42]. И далее следует назидательный отрывок о терпении: «Он требовал даже от меня однажды, чтоб я что-нибудь сказал ему в собственное его утешение о том, чем укрепляюсь я в моем терпении. Я говорил ему о примерах святых мучеников, кои переносили все труды и скорби без роптания с верою и любовию к богу, что и я почитаю здешний свет суетным, а жизнь нашу скоро преходящею, тем легче переношу мои страдания, надеясь в будущей жизни получить за то в награду бесконечное блаженство. Я приводил еще к сему сделанное предопределение Адаму: “в поте лица твоего снеси хлеб твой” (Бытие, 3:19 – Е.С.); что таковое изречение долженствует пребыть на роду человеческом до скончания сего и которое обязаны мы носить с благоговением, дабы не сделаться большими противниками всемогущей и святой воле нашего создателя; также евангельское утешение: “приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные, и аз успокою вы” (Мф., 11:28 – Е.С.), и проч.» [ЖАА 1981: 42]. Жанр жизнеописания и жанр путешествия, к которому также примыкает книга Артемия, давали автору достаточно большую свободу. Многослойный сюжет, разнообразный жизненный материал требовали различных языковых средств. Каждый из «стилей» отдельно несет свою особую функцию.

Интересно, что Артемий в русский текст трижды включает армянские слова, написанные армянской графикой, – это название родного села Вагаршапат [ЖАА 1981: 5], монастыря Эчьмиацыну, которому Вагаршапат принадлежал [ЖАА 1981: 5], и имя священномученика Григория, просветителя Армении [ЖАА 1981: 10]. Иноязычных вставок в тексте всего три (они обусловлены ходом сюжета – странствованиями Артемия, в результате которых он попадал в новые для него условия). Это две фразы на искаженном грузинском – «бзе – арагак гасас – гидели» («мякина есть ли продажная») [ЖАА 1981: 110] и «цхели, цхели пуры» («теплые, теплые хлебы») [ЖАА 1981: 115], одно грузинское слово «джануш» («шпион») [ЖАА 1981: 88], а также слово «харай!» («караул!») [ЖАА 1981: 119 и 164] – Артемий утверждает, что это по-персидски³.

³ К.Н.Григорьян в примечаниях к тексту говорит, что это турецкое слово [ЖАА 1981: 212].

Там, где это оказывалось возможным, Артемий пытается перевести кавказские (в основном, армянские) названия на русский язык, в некоторых случаях даже стараясь объяснить происхождение этих названий. Название монастыря Эчмиацину означает «Сошествие Единородного Сына Божия» [ЖАА 1981: 5]; название города Кег-Аркуни – «царское село» [ЖАА 1981: 19]; название места Герх-Булаха – «сорок источников» [ЖАА 1981: 19]; название места Тегер – просто «место» [ЖАА 1981: 40]; название реки Амперт объясняется так: «Амперт значит место укрепленное; ближайший же перевод сего слова без крепости крепкое, по которому и река название свое имеет» [ЖАА 1981: 44]; название персидской деревни Мулла-Дурсун значит «для одного муллы» [ЖАА 1981: 50]; название баязитской деревни Гара Булах значит «черный ключ, который там находится» [ЖАА 1981: 53]; название источника Аг-Булаха Артемий переводит как «белый ключ, или источник» [ЖАА 1981: 57]; название монастыря Кегарда значит «копье» [ЖАА 1981: 75]; название монастыря Хор-Вираба «значит глубокую яму, над которой он построен» [ЖАА 1981: 76]; название источника Гурт-Булага значит «волчий источник» [ЖАА 1981: 130]. Артемий даже имя своего отца переводит на русский – Аставацатур значит Богдан [ЖАА 1981: 7 и 162].

Артемий был человеком религиозного мировосприятия. Вся книга, особенно первая часть, пронизана цитатами из Библии⁴. Цитаты эти условно можно подразделить на прямые (формально оформленные как цитаты) и скрытые (вплетенные в повествование без каких-либо ссылок на Писание). Примеры явных цитат: «Господи! не отыми от меня душу мою до толе, пока не увижу меньшого сына моего, читающего и поющего в храме Твоем: “возведох очи мои в гору, отнюду же приидет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившаго небо и землю”; <...> желания моей матери исполнились <...> первый раз стал читать пред олтарем по уставу псалмы, в числе коих и желаемый матерью: возведох очи мои в гору и проч.» (Псалмы, 120:1-2) [ЖАА 1981: 8]; «Помни, что нам спаситель приказывал: “Если кто ударит тебя в ланиту, обрати ему другую”» (Мф., 5:39; Лк., 6:29) [ЖАА 1981: 9]; «Берегись быть строптивым и беги от строптивного: “с избранным избран будешь, и со строптивым развратишься”» [ЖАА 1981: 85]; «Наконец, в заключение сказал (протоирей Иоанн Воскречянц, учитель Артемия – Е.С.) мне из псалма: “Удаляйся от зла, твори благо, ищи мира и взыщешь его”» [ЖАА 1981: 86]; «Господин С. <...> раскаивался в дурных со мною поступках и <...> отвечал словами царя Давида: что если он забудет добродушное усердие мое, то да будет забвенна десница его и прилипнет язык к гортани его, если не помянет меня в начале веселия своего» (Псалмы, 136:5-6) [ЖАА 1981: 130]; «...сохраню в нем (в своем сердце – Е.С.) печать Его (Бога – Е.С.) до моей смерти и пой-

⁴ В данной статье мы не затрагиваем вопроса о влиянии на книгу Артемия традиций армянской агиографии и христианских фольклорных легенд о чудесах святых, специально не рассматриваем христианского характера его философствования.

ду на глас Господа моего, отзывающегося в душе моей: “Где Я, туда придут и исповедующие Меня”» [ЖАА 1981: 161].

В качестве примеров скрытых цитат из Библии приведем следующие. Артемий просит архимандрита Карапета снова принять его под свое покровительство, от которого сам же в свое время ушел: «Вступление мое начал я со всевозможным умилением, хотя малоискренним или совсем притворным, что, чувствуя прежние его благодеяния, имею к нему сердечную привязанность и желаю паки употребить себя на службу ему со всем усердием. “Итак, ты возвращаешься ко мне, как блудный сын к своему отцу!..” – “Так точно, батюшка”. – “Ну так стань же на колени и принеси свое раскаяние!” – Я тотчас же понял, что простодушному епископу захотелось видеть сцену евангельской притчи и самому быть при том главным действующим лицом» [ЖАА 1981: 77-78]. Поэтому Артемий, встав на колени, ответил точной цитатой из Библии: «Согрешил на небо и пред тобою и несмы достоин нарещися сын твой; но умилосердись надо мною и повели причесть меня хотя к рабам твоим» (Лк., 15:21) [ЖАА 1981: 78]. «Будите мудры, яко змии, и целы, яко голуби» [ЖАА 1981: 85] – эта цитата вплетена в текст наставления Иоанна Воскречянца без всяких ссылок на Священное Писание и – графически – без кавычек. «Душа моя исполнена была чистейшей радости и благоговейного умиления, что Он зыскал меня так скоро и оправдал веру мою на Его промысел и милосердие. “Аз! усну и спаш и восстану, яко Господь заступит мя” (Псалмы, 3:6 – Е.С.), – говорил я в утешение себя, а теперь восклицаю в день скорби моей: “воззвах к Нему и услышал мя от горы святыя Своея”» (Псалмы, 3:5; см. также: 85:7, 119:1) – в данном случае цитаты из Библии оформлены как прямая речь, в виде собственной мысли Артемия.

Трижды в текст произведения включается скрытая цитата из христианской молитвы: «Мать моя учила меня молиться во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» [ЖАА 1981: 13]; «Я узнала ее, помню закон мой, в котором ею рождена, – и верую во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (из рассказа матери Артемия) [ЖАА 1981: 14]; «...я не перестану исповедовать Святую Троицу Отца, и Сына, и Святого Духа» (из рассказа матери Артемия) [ЖАА 1981: 16].

Подводя итоги, хотелось бы процитировать слова автора рецензии, опубликованной в армянском общественно-литературном журнале «Мурч» (т.е. «Молот»; Тифлис, 1982, № 7-8), который высказал мысль, что «Жизнь Артемия Араратского» написана «простым языком, без украшений и даже с некоторым юмором» [Григорьян 1981: 183].

ЛИТЕРАТУРА

- Винокур 1947 – *Винокур Г.О.* Русский литературный язык во второй половине XVIII века // История русской литературы. Том IV. М.-Л., 1947.
- Григорьян 1974 – *Григорьян К.Н.* «Жизнь Артемия Араратского» как литературный памятник начала XIX века. Poleмика вокруг личности автора. Разбор содержания книги Араратского. Ее значение как литературного источника, по которому русский читатель впервые знакомил-

- ся с армянской действительностью // *Григорьян К.Н.* Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений. Ереван, 1974.
- Григорьян 1981 – *Григорьян К.Н.* Артемий Араратский и его книга // Жизнь Артемия Араратского. Издание подготовил К.Н.Григорьян при участии Р.Р.Орбели. (Серия «Литературные памятники»). М., 1981.
- ЖАА 1981 – Жизнь Артемия Араратского. Издание подготовил К.Н.Григорьян при участии Р.Р.Орбели. (Серия «Литературные памятники»). М., 1981.
- Суровцева 2005 – *Суровцева Е.В.* «Жизнь Артемия Араратского» в контексте армяно-русских литературных связей // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. М., 2005, № 4.
- Суровцева 2007 – *Суровцева Е.В.* Особенности языка «Жизни Артемия Араратского» // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный Конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.). Труды и материалы. Составители М.Л.Ремнева и А.А.Поликарпов. М., 2007.